

OK 10 6547 / 4 35959.
13.437 ИЗДАТЕЛЬСТВО Государственной Думы.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ.

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ.

Издание „Освобожденная Россія“

№ 4.

13.437
Львів. Бібліотека
АН УРСР

Цѣна 15 коп.

1917

1138. Вр. Прес.

W5(2-P)53-649.4

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 7172

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

Еще со временъ неторопливой Императрицы Елизаветы I, которую въ 1741 году возвели на престолъ штыки Преображенской Гренадерской роты, штыки разгульныхъ и славныхъ «лейбъ-компанцевъ»—мечта о народной свободѣ стала славной традиціей нашего Преображенскаго полка.

Такъ, изъ вѣка въ вѣкъ горѣла надъ Преображенскимъ полкомъ звѣзда свободы. И такъ, до нашего времени донесли они мечтательную тоску по ней и одни изъ первыхъ пришли на ея волнующій зовъ.

Въ «дни свободы» девятьсотъ пятаго года въ тѣ наши первые, такъ трагически быстро оконченные, залитые кровью дни,—первый баталіонъ Преображенцевъ былъ расформированъ, многіе были повѣшены, многіе сосланы на каторгу. Командиръ полка генералъ Годонъ, былъ тогда лишень мундира и свиты, князь Трубецкой и все офицерство отправилось въ ссылку въ село Медвѣдь. Вѣрнымъ своей традиціи полкъ оставался до самыхъ послѣднихъ, до самыхъ глухихъ дней нашего самодержавія. Еще никто не знаетъ, что нѣкоторые Преображенскіе офицеры участвовали въ уничтоженіи лжепророка Распутина, еще никто не знаетъ, что цѣлый рядъ офицер-

скихъ именъ попалъ послѣ этого дѣла въ черный проскрипціонный списокъ.

И не знаетъ еще никто, что среди Преображенцевъ въ самые послѣдніе дни были заговоры противъ стараго строя. Молодое офицерство, какъ предки его—декабристы, мечтало само сдѣлать революцію, поднять команды и вывести ихъ на площадь требовать Свободы.

Но ихъ предупредилъ народъ.

Солдатъ всюду самъ, безъ офицера, вышелъ на улицу. И только офицеры Преображенцы съ первой же секунды революціи были со своими солдатами. Но и то не во всемъ полку.

Преображенцы Таврическихъ казармъ, что по Парадной улицѣ, пошли безъ офицеровъ,—ихъ подняли тамъ Волынцы. И только въ казармахъ по Милліонной улицѣ солдатъ пошелъ съ офицеромъ. Отсюда впервые пришла къ Временному Правительству организованная сила и здѣсь впервые въ океанѣ возставшихъ штыковъ былъ заложенъ могучій камень новаго строя.

Я записалъ и офицерскіе и солдатскіе рассказы. Мы сначала услышимъ солдата «Таврическихъ казармъ», а потомъ намъ офицеръ расскажетъ о первомъ организованномъ возстаніи въ «Милліонныхъ казармахъ».

I.

Таврическія казармы.

25-го февраля... Въ 9 час. утра, по телефону было назначено на улицы нѣсколько ротъ по экстренному вызову. Оставшіеся не знали куда поведутъ ихъ товарищей. У всѣхъ было тревожное настроеніе.

Въ 10 час. утра назначеннымъ ротамъ уже раздавали патроны. Въ это время приходитъ взволнованный, чѣмъ-то разстроенный командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Леонтій Эллиотъ и рассказываетъ, почти со слезами:

— Сегодня моя сестра ѣхала въ трамваѣ. Трамвай остановила толпа. Они звали всѣхъ идти вмѣстѣ съ ними просить хлѣба. Моя сестра пошла... Братцы, я стрѣлять не буду. Какъ мы можемъ стрѣлять въ свой народъ, да еще въ голодный народъ, который просить хлѣба?

Взводные и отдѣленные и такъ знали, что никто не будетъ стрѣлять и разнося патроны по всѣмъ 48 рядамъ Преображенцевъ, говорили:

— Братъ, братцы, берите, но всѣ до одного приносите назадъ...

Роты ушли. И только въ 2 часа ночи пришли съ улицъ въ казармы голодные и усталые. Всѣ съ облегченіемъ вздохнули, когда узнали, что Преображенцамъ стрѣлять не пришлось, что все время ихъ поддерживали въ цѣпи на Полицейскомъ мосту. Всѣ были взволнованы событіями дня, многіе не спали всю ночь на пролетъ. Всѣ будто ждали общаго сигнала, чтобы взяться за винтовки, подняться, возстать.

26-го февраля... Въ 10 часовъ утра роты уже были въ строю. Командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Эллиотъ, былъ кажется еще блѣднѣе, чѣмъ вчера и мягко, какъ старый боевой товарищъ, предостерегалъ солдатъ отъ стрѣльбы по народу. Роты снова вышли на улицу. И снова стрѣлять не пришлось.

А Петроградъ уже кипѣлъ и клокоталъ надъ нимъ, гребень того девятого вала, который поднялся и ударилъ съ такой яростной силой изъ голодныхъ рабочихъ кварталовъ.

Во вторую ночь еще большее волненіе было въ

Таврических казармахъ. Солдаты говорятъ, что въ ту ночь у нихъ — «душа трепетала».

27 февраля... Нужно сказать, что у Преображенцевъ и Литовцевъ на Таврической улицѣ общій казарменный дворъ. И вотъ, въ 8 час. утра, какъ всегда, на дворъ началось строевое учение. День былъ ясный, морозный. Серебряный иней игралъ на красномъ кирпичѣ казарменныхъ зданій.

Вдругъ со стороны Волынцевъ, казармы которыхъ отдѣляетъ отъ двора Преображенцевъ невысокій заборъ, послышались беспорядочные выстрѣлы и глухіе раскаты «ура». Нескольکو пуль прѣсвистало надъ головами. Строевое учение смѣшалось. А на заборѣ стояли уже товарищи Волынцы, махали фуражками, руками и звали.

— Преображенцы, бросай занятіе! Присоединяйся къ намъ... Къ намъ!

Криковъ не дослышали, крикамъ не придали значенія. Тогда отъ Волынцевъ ударили въ воздухъ ружейные выстрѣлы. Ошеломленные, непонимающіе что происходитъ, преображенцы бросились въ казармы. Нужно было собраться съ мыслями, переговорить, выяснить.

А толпа Волынцевъ подходила уже къ воротамъ казармъ съ Парадной улицы. Поняли тогда Преображенцы.

Изъ всѣхъ оконъ махали они Волынцамъ шапками, призывали ихъ восторженнымъ «ура». Волынцы заполнили дворъ. Къ нимъ, какъ лавина, бѣжали изъ казармъ, звякая винтовками, Преображенцы. Горнисты играли воркующую тревогу. Кто-то непрерывно билъ въ полковой колоколъ Литовцевъ. Солдаты привѣтствовали другъ друга выстрѣлами въ воздухъ. Гулъ колокола, перекаты «ура», пѣнье

мѣдныхъ рожковъ и выстрѣлы,—слились въ ликующій громъ.

Первой, вышедшей на зовъ Свободы ротой была 2-я рота Таврическихъ казармъ, которая вся сплошь состоитъ изъ боевыхъ солдатъ, уже отдавшихъ не мало своей крови за народъ на поляхъ сраженій.

— Мы только жали другъ другу руки—говорять объ этой минутѣ солдаты,—мы только смотрѣли восторженно другъ другу въ глаза...

Фельдфебель Вороновъ выводитъ изъ казармъ послѣднюю, немного замаявшуюся 4 роту, и когда всѣ Преображенцы и Литовцы вышли, слышались крики:

— На улицу! На улицу!

Но большинство бросилось и захватило ~~мѣт-~~гаузъ Литовскаго полка, разобравъ всѣ патроны. Тогда голоса стали звать за патронами въ Преображенскій цейхгаузъ по Госпитальной улицѣ.

Быстро отдѣлился отрядъ чело^{вѣ}къ въ десять, быстро достали лошадей и первый революціонный обозъ поскакалъ на Госпитальную. До 30.000 патроновъ, 1.000 винтовокъ и 4 пулемета захватили тамъ. И все было разобрано по рукамъ и все потонуло въ морѣ войскъ.

Волны Преображенцевъ, Волынцевъ и Литовцевъ уже катились по Кирочной. По дорогѣ влились въ сѣрые казармы Саперъ. Кто-то далъ изъ оконъ нѣсколько выстрѣловъ. Войска отвѣтили. Завязалась перестрѣлка, уже вкатили во дворъ къ саперамъ пулеметы, но саперы и такъ выбѣгали съ ликующимъ, радостнымъ «ура» изъ казармъ...

Вызвали хоръ музыкантовъ-саперъ и съ нимъ вмѣстѣ вышли снова на Кирочную. Старались построиться, но гдѣ же было построить этотъ океанъ штыковъ, этотъ гулкій водопадъ войскъ.

— Идемъ къ Московцамъ, къ Московцамъ!—несли крики.

Подъ звонъ и бряцанье бравурнаго марша быстро двигались войска. Посверкивали серебряныя поющія трубы, бряцаль и гремѣлъ маршъ. И у всѣхъ поднялось настроеніе. Со старымъ все было кончено.

Шли, крѣпко и стройно шагая въ тактъ музыкъ, быстро переговариваясь:

— Идемъ, братья. Теперь все равно. Или побѣдимъ, или погибнемъ. Идемъ, идемъ...

И сверкали серебряныя трубы и пѣлъ маршъ: «Идемъ, братья, идемъ!»

— У всѣхъ тогда пылали восторгомъ лица,—говорятъ солдаты,—и у всѣхъ сіяли, точно горячія звѣзды, глаза...

А улицы еще были пустыни. Вѣдь всего было часовъ 9 утра. Попадались только кухарки, да блѣдныя женщины съ корзинками для провизіи. Смотрѣли, крестились.

— Господи, Боже ты мой, что за бѣда стряслась? Куда это солдатики повалили, да такой силищей...

— Къ народу, бабурки. Народушко свой защищать противъ насильниковъ—быстро объясняли имъ по пути солдаты.

У женщинъ становились серьезными лица и онѣ крестились истово и тихо.

— Дай-то вамъ Богъ, родные...

Въ концѣ Кировной лавина задержалась на секунду у дома Жандармскаго Дивизіона. Солдаты говорятъ, какъ въ одинъ мигъ «вышвырнули» они оттуда человѣкъ 20 жандармовъ, которые разомъ и потонули въ солдатскомъ потокѣ.

Стихія катила впередъ. Выплыла на Литейны и растеклась. Сняли караулы у Окружнаго Суда, обступили сброй стѣной шинелей красное, низкое

зданіе Арсенала. Выстрѣлами по окнамъ и общимъ «ура» вызвали на улицу арсенальныхъ рабочихъ.

А въ это время, въ полномъ порядкѣ, съ Захарьевской улицы выходила на Литейный 3-я рота Преображенцевъ... Снова гулы восторга и перестрѣлы «ура» и бряцанье марша. Призывъ смѣняется призывъ.

Растетъ ударъ революціоннаго вала.

— Выпустимъ политическихъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Идемъ сначала къ Московцамъ, на Выборгскую, къ Московцамъ!..

Двинулись къ Литейному мосту.

Литейнаго моста опасались: всѣ знали, что за нимъ засада. Онъ тянулся передъ глазами широкій и безлюдный, окутанный морознымъ паромъ. И только попробуютъ отдѣльные смѣльчаки войти на мостъ, изъ-за Невы подымается пулеметный огонь. Здѣсь были первыя жертвы. Здѣсь, подъ пышными чугунными фонарями, палъ отъ пуль Преображенскій ефрейторъ Голубевъ еще одинъ статный и, молодой Преображенецъ.

Войска задержались, войска смѣшались.

— Почему мы встали? Впередъ, товарищи... Идемте.

На мостъ, ревя рожками, вылетѣлъ автомобиль полный солдатъ. А за автомобилемъ, верхомъ на черномъ конѣ, съ побѣлѣвшей, взмыленной грудью скакалъ молодой прапорщикъ, совсѣмъ еще «юный парнишка».

— Товарищи, за мной!

Преображенцы увидѣли въ автомобилѣ своего любимца, георгіевскаго кавалера, ефрейтора Новикова. Стоитъ онъ во весь ростъ, машетъ сверкающей шашкой... Бросились на мостъ въ атаку. Море войскъ

залило мостъ, морё войскъ оцетинило его штыками. Сбивъ засаду, двинулись къ Москвцамъ.

Казармы Московскаго полка встрѣтили выстрѣлами. Частая стрѣльба поднялась въ отвѣтъ.

Прикладами разбили казарменные ворота, толпа рабочихъ, войскъ, вооруженные пулеметами автомобилями запрудили дверь. Москвцы выбѣгали одинъ за другимъ. Говорили, что ихъ товарищи заперты, что отстрѣливается одна только учебная команда, да и тамъ просто напуганы, ошеломлены и складываютъ уже винтовки.

Пять солдатъ Москвцевъ повели товарищей окружать учебную команду, но въ этотъ моментъ запертые въ казармахъ Москвцы нашли какой-то обходный путь и по нему выбрались къ войскамъ.

Въ 2 часа дня перешелъ весь Московскій полкъ и беспорядочный огонь кончился. Начали убирать убитыхъ и раненыхъ. Работали молча, въ тишинѣ, почти не разговаривая...

И скоро океанъ штыковъ повернулъ съ Выборгской обратно на Литейный. Когда войска были на проспектъ, вдругъ изъ оконъ полицейскаго управленія затарахтели пулеметы. Часть солдатъ ушла дальше, часть засѣла въ трамвайномъ паркѣ и открыла по управленію ураганный огонь.

И такъ сильно было чувство побѣды и единодушіе борьбы, что всѣ, безъ всякаго сигнала, по первому крику «ура», вскорѣ поднялись въ атаку. И стихійнымъ, молниеноснымъ штурмомъ разнесли двери управленія, ворвались и въ секунду смели все...

Это было въ 3 часа дня.

Многіе отсюда растекались по всему городу, но и тогда уже, мимо пожарища Окружнаго суда, среди ликующихъ стѣнъ толпы, въ бряцаньи военныхъ

оркестровъ, тогда уже двигались къ Государственной Думѣ авангарды революціонныхъ войскъ...

А вѣдь въ Думѣ кончилась наша стихія и начался нашъ новый порядокъ.

II.

Милліонныя Казармы

24 февраля... 1-я рота получила приказъ идти на Полицейскій мостъ, чтобы встать тамъ цѣпью и никого не пускать оттуда къ Зимнему дворцу. Ротой, по наряду, командовалъ капитанъ Скрыпицынъ. У этого человѣка холодная англійская внѣшность, желѣзная англійская выдержка. 28 мѣсяцевъ провелъ онъ на фронтѣ, имѣетъ золотое оружіе и получилъ уже всѣ боевые отличія.

На мосту встали цѣпью. Капитанъ, дѣйствуя по инструкціи командира баталіона, повинувшись своему убѣжденію и идя навстрѣчу настроенію солдатъ приказалъ отнюдь не стрѣлять. Съ нимъ были ес-гласны его помощники—офицеры Селецкій и Резеншильдъ, потерявшій на войнѣ руку.

Когда къ Полицейскому мосту подходили толпы народа, толпы рабочихъ, женщинъ и дѣтей, офицеры убѣждали ихъ расходиться.

— Мы разгуливали,—разсказывалъ улыбаясь Скрыпицынъ,—въ корридорѣ между цѣпью солдатъ и толпой. Разговаривали, перекидывались шутками. Всѣ были настроены добродушно. Было, я скажу, очень мило.

Всталъ уже вечеръ. Расходилась одна толпа, ее смѣняла другая и снова убѣжденія, смѣхъ и добродушные шутки. Но полицейское рвеніе пристава Левисона чуть было не испортило общаго на-

строения. Онъ выставилъ своихъ городскихъ впередъ изъ-за цѣпи, приказалъ вынуть шашки, началъ ужъ было избіеніе.

— Г. полковникъ! Моментально уберите вашихъ полицейскихъ за мою цѣпь,—крикнулъ ему капитанъ Скрыпицынъ.

— Какъ убрать? Наоборотъ, это Вы должны мнѣ помочь, Вы должны дать залпъ... Чего Вы ждете? Давайте же залпъ.

— Этотъ самый залпъ въ первую голову сразитъ Васъ,—спокойно оборвалъ его Скрыпицынъ и отошелъ, пожавъ плечами.

Приставъ отозвалъ городскихъ за солдатскую цѣпь, а самъ поѣхалъ въ Градоначальство жаловаться на мятежнаго офицера.

Уже 24 февраля, когда рота вернулась съ улицъ въ казарму, капитанъ Скрыпицынъ дѣлился впечатлѣніями съ товарищами офицерами. Онъ сумѣлъ понять и изучить за день толпу. Онъ видѣлъ, что это поднялся самый густой, самый плотный народъ,—та «толща народная», какой не было въ первой нашей революціи 1905 года. А за нимъ идетъ тотъ девятый валъ, который смететъ все. Правительство, говорилъ онъ,—если еще не совсѣмъ оно ослѣпло, немедленно должно идти на уступки.

Всѣ поняли капитана и всѣ съ нимъ были согласны.

25 и 26 февраля Преображенцевъ также посылали на улицы и снова они встрѣчали толпу и снова вступали въ переговоры. Волненіе возростало. Близился часъ...

27 февраля,.. Утромъ нѣсколько ротъ, по экстремному вызову, выступили на улицы. Въ 11 часовъ утра всѣ свободные офицеры собрались въ Офицер-

скомъ собраніи. Чувствовали, что гроза надвигается. Обсуждали, что дѣлать.

Капитанъ Скрипицынъ подалъ мысль, къ которой присоединились всѣ:—нужно выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать тамъ всѣ другія гвардейскія части.

И вотъ, въ 11 час. утра, 27 февраля, 1500 Преображенцевъ Милліонныхъ казармъ, во главѣ съ офицерами, перешли Зимнюю канавку и выстроились у Александровской колонны, спиной къ дворцу.

На Милліонной нѣсколько офицеровъ реквизи- ровало автомобиль какого-то биржевого маклера, его высадили и приказали шоферу съ предѣльной скоростью гнать машину къ казармамъ Измайловцевъ, Егерей и Семеновцевъ. Созывать гвардію на площадь поѣхали офицеры: Головинъ, князь Эристовъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Одинъ только лозунгъ, одна только мысль была у Преображенцевъ и они вѣрили, что всѣ пойдутъ за ними:

— Ничѣмъ не препятствовать революціи, но внести порядокъ въ ея мятущійся потокъ, но избѣгать кровопролитія и собраться на площади, чтобы оттуда, какъ организованной силѣ, предъявить требованія народа правительству.

Къ Преображенцамъ на Дворцовую площадь стали подходить войска. Пришелъ со всѣми офицерами Пулеметный полкъ, пришли роты Егерей и Петроградцевъ. Ждали другихъ. Командиръ Гвардіи генералъ Безобразовъ, старѣйшій зъ бывшихъ Преображенцевъ, обходилъ войска и здоровался съ ротами.

Капитанъ Скрипицынъ рѣшилъ въ это время съѣздить въ Градоначальство. Онъ думалъ, что можетъ быть удастся еще уговорить Хабалова или

Балка прекратить бесполезное, дикое сражение на улицахъ.

Поѣхалъ. Спокойно, безъ всякихъ пропусковъ поднялся на верхъ, спокойно вошелъ въ кабинетъ градоначальника. Первое, что бросилось ему въ глаза было нѣсколько жандармскихъ генераловъ съ растерянными, перепуганными лицами.

Капитанъ Скрыпичинъ подошелъ къ Хабалову а тотъ сразу крикнулъ ему:

— Послушайте, необходимо стрѣлять... Необходимо разстрѣливать всю эту чернь.

— Солдаты стрѣлять не будутъ, Ваше Превосходительство, — спокойно отвѣтилъ Скрыпичинъ.

— Не будутъ! Такъ прикажите имъ...

— Наоборотъ, мы имъ прикажемъ не стрѣлять.

— Вы измѣнникъ, вы бунтовщикъ, — затопалъ ногами Хабаловъ. — Я васъ арестую.

— Какъ будетъ угодно Вашему Превосходительству, но это общее мнѣніе и всѣ мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что изъ насъ стрѣлять не будетъ никто. Успокоить народъ можно только справедливыми уступками, а не пальбой. Это уже вамъ больше не поможетъ.

Какой-то тощій поручикъ подбѣжалъ въ это время къ Хабалову:

— Ваше Превосходительство, въ Гатчинѣ кое-кого удалось уговорить. Оттуда готовы прилетѣть на аэропланахъ и сбросить на Петроградъ бомбы.

— Скорѣ ихъ вызвать, скорѣ ихъ вызвать, — немедленно! — крикнулъ Хабаловъ.

Тощій поручикъ бросился къ телефону, но капитанъ Скрыпичинъ схватилъ его за руку:

— Поручикъ, Вы проявляли бы лучше свою боевую ретивость на войнѣ, а не здѣсь. Я запрещаю Вамъ вызывать обманутыхъ летчиковъ.

Растерянный поручикъ, видя капитанскіе ~~ружьи~~ пробормоталъ «слушаюсь».

Озадаченный смѣлостью капитана, Хабаловъ не возражалъ и его страшное распоряженіе бомбардировать Петроградъ съ воздуха исполнено не было.

Капитанъ помнить, что генераль Балкъ перебѣгалъ отъ одного къ другому и смѣялся. Такой ничѣмъ неудержимый, бессмысленный смѣхъ охватываетъ нѣкоторыхъ на пожарахъ, при потрясеніяхъ и во время крушеній...

А Хабаловъ, совершенно не зная, что дѣлать, спрашиваетъ совѣта у того капитана, котораго онъ только что хотѣлъ арестовать.

— Какъ по вашему мнѣнію, капитанъ... Въдь все это придется доложить военному министру, пожалуй, даже Государю?

— Послушайте, Ваше Превосходительство, я удивляюсь, что Вы еще не сдѣлали этого.

Ясно, что въ Градоначальствѣ дѣлать было нечего. Капитанъ снова уѣхалъ на площадь.

Ряды войскъ стоятъ передъ Зимнимъ дворцомъ. Перетаптываютъ отъ холода ногами, покашливаютъ, молчатъ.

Великое, историческое стояніе.

Товарищи просятъ капитана съѣздить къ Павловцамъ и уговорить ихъ выйти на площадь. Капитанъ ѣдетъ снова... Черезъ полчаса, со всѣми офицерами, подъ звуки стариннаго Преображенскаго марша, 6.000 Павловцевъ, стройными рядами подошли къ Зимнему дворцу. Оркестръ Преображенцевъ встрѣтилъ ихъ Павловскимъ маршемъ. Войска слились въ общемъ «ура».

Измайловцы и Семеновцы такъ и не пришли. Были только слухи, что они гдѣ-то и съ кѣмъ-то

тражаются. Слухи эти впоследствии не подтвердились...

Послѣ 3-хъ час. дня на площадь пришли части гвардейскаго экипажа. Въ то же время среди войскъ разнеслась глухая вѣсть, что Дума распущена... Еще тише и еще грознѣе стоятъ войска, на туманной Дворцовой площади. А когда стало темнѣть и побѣлѣли уже шинели обмерзшихъ солдатъ, войска двинулись въ Зимній дворецъ.

Многіе въ то время видѣли, какъ въ Адмиралтейство, стараясь пройти быстрѣе черезъ площадь, упрямо двигались какія-то артиллерійскія части, кавалерія и одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ.

Войска во главѣ съ Преображенцами заняли дворецъ. Всѣ чувствовали, что старое Правительство уже пало и всѣ знали, что новаго еще нѣтъ. И почти молча было рѣшено сдѣлать Зимній дворецъ базой, крѣпостью новаго строя и руководить оттуда возстаніемъ и оттуда диктовать требованіе народа остаткамъ прежняго Правительства.

Павловцы были во дворецъ около часу. Имъ отвели для стоянки дворцовые подвалы, но, какъ молнія, пронесся среди нихъ слухъ, что все это ловушка, что еще неизвѣстно, что сдѣлаютъ съ ними въ подвалахъ. Павловцы вышли со всѣми офицерами и вернулись въ казармы...

Оставшіяся войска стояли въ длинныхъ, огромныхъ и гулкихъ нижнихъ корридорахъ. Стояли молча, только приклады винтовокъ тяжело стучались о каменные плиты. Въ корридорахъ была полутьма: одинокія электрическія лампочки тускло свѣтились подъ высокими сводами.

Въ 7 час. вечера войска облетѣлъ слухъ, что Думой избрано Временное Правительство. Дальнѣйшее

пребываніе во дворецъ могло быть истолковано ложно и стало безцѣльнымъ.

Преображенцы, вмѣстѣ съ Гвардейскимъ экипажемъ, внутреннимъ ходомъ, по Эрмитажному корридорю, покидаютъ дворецъ и уходятъ въ Милліонныя казармы.

Я видѣлъ этотъ узкій, потайной корридоръ, гдѣ двигались гуськомъ больше тысячи солдатъ, я видѣлъ на лѣстницѣ бѣлые, крашенные въ тонъ стѣны, потайныя желѣзныя двери. Преображенцы, если бы понадобилось, могли быть вызваны во дворецъ въ нѣсколько минутъ...

Темныя храмины самодержца пустынно затихли.

Въ 8 час. вечера старшіе офицеры, во главѣ съ б. командиромъ баталіона, собрались въ тихомъ кабинетѣ Офицерскаго собранія, рядомъ съ билліардной.

Старинныя гравюры и старинные портреты на стѣнахъ и крытыя сѣрымъ штофомъ банкетки и кресла краснаго дерева, не разъ раньше видѣли въ этомъ уютномъ кабинетѣ царей и царицъ, которые чувствовали здѣсь себя, какъ дома.

Закрыты бѣлыя двери кабинета. Старшіе офицеры совѣщаются.

Младшіе и самые младшіе офицеры столпились въ билліардной и ждутъ. Наконецъ открываются бѣлыя двери и адъютантъ баталіона поручикъ Макшеевъ, громко, еле сдерживая радостное волненіе, объявляетъ:

— Преображенскій баталіонъ, весь, со всѣми офицерами, рѣшилъ присоединиться къ Временному Правительству и признать его власть. Идемъ, господа, скажемъ объ этомъ командамъ.

Всѣ ждали такого рѣшенія, но всѣхъ охватываетъ восторженный подъемъ.

Львівська державна
наукова бібліотека

№

7/72

Львів. Бібліотека
АН УРСР

В. 439

Молодые офицеры бѣгутъ въ казармы по своимъ ротамъ, вскакиваютъ на солдатскія нары, на столы, говорятъ жаркія, пылающія радостью рѣчи.

— Братья-Преображенцы! Вы знаете, что нашъ полкъ былъ всегда за свободу. Больше 100 лѣтъ мы ждали этой минуты... Русскій народъ отнынѣ свободенъ. Сольемся же, закрѣпимъ ее, братья. Пусть еще дружиѣ и крѣпче станетъ дисциплина. Помните, что нашъ желѣзный солдатскій строй, что нашъ порядокъ есть та сила, которая будетъ поддерживать Временное Правительство...

Во всѣхъ командахъ, во всѣхъ ротахъ катилось могучее «ура». Стекла огромныхъ оконъ сотрясались точно во время канонады. Такого энтузіазма никогда еще не было въ старинныхъ, красныхъ казармахъ на Милліонной.

Около 9 час. вечера въ Офицерское собраніе неожиданно пріѣзжаетъ великій князь Кирилль Владиміровичъ. Взволнованные офицеры встрѣчаютъ его въ столовой, садятся было за столъ, но скоро встаютъ и переходятъ въ билліардную. Былъ блѣденъ и молчаливъ въ тотъ вечеръ великій князь.

Бѣлыя лампы бросали ровный кругъ свѣта только на зеленое сукно билліардовъ и комната была въ полутьмѣ. Князь стоялъ, опираясь о край дубоваго билліарда. Изъ толпы офицеровъ выступилъ прямой и горячій капитанъ Приклонскій.

— Мы считаемъ не честнымъ разговаривать съ вами, не заявивъ о томъ, что мы перешли уже на сторону Временнаго Правительства. Отнынѣ ему одному будемъ мы честно служить.

Блѣдный князь молчалъ. Въ тотъ вечеръ онъ былъ въ гвардейскомъ флотскомъ мундирѣ, съ золотыми вензелями на эполетахъ. Черезъ 2 дня его видѣли въ Штабѣ уже безъ этихъ золотыхъ вензе-

лей. И всё́мъ казалось въ тотъ вечеръ, что стало еще больше серебряной пресвѣди въ его черныхъ волосахъ.

— Для спасенія Россіи, отвѣтилъ волнуясь князь, это единственный исходъ. Я присоединяюсь къ вамъ всё́мъ сердцемъ... Мы просили, мы всё молили, но это ни къ чему не привело. До чего они довели Россію.

Въ 10-мъ часу вечера вел. князь уѣхалъ. Скоро ушелъ въ свои казармы и Гвардейскій экипажъ, такъ какъ Преображенцамъ нечѣмъ было его накормить...

Весь вечеръ офицеры, по всё́мъ телефонамъ, стараются добиться разговора съ Государственной Думой, но только послѣ 11 час. ихъ соединили. Преображенцы сообщили о своемъ переходѣ на сторону Временнаго Правительства и просили прислать кого-либо изъ членовъ Комитета для инструкціи.

Ждали до 2 час. ночи. И былъ уже третій часъ, когда въ Офицерское собраніе вошелъ подвижной, быстрый полковникъ Энгельгардъ, первый комендантъ возставшихъ войскъ Петроградскаго гарнизона.

Началась горячая, дружная бесѣда. Офицеры спѣшно составили порядокъ ихъ работъ для Временнаго Комитета, обсудили его, исправили кое-какія частности. Уѣзжая, полк. Энгельгардъ сказалъ:

— Знайте, господа. Ваше геройское рѣшеніе первыми придти къ намъ на помощь, прекратило всё колебанія Родзянко встать во главѣ Исполнительнаго Комитета Думы. Теперь можно сказать, что мы уже побѣдили.

Пробило 3 часа. Это была уже четвертая, бессонная ночь въ казармахъ на Милліонной. Кое-кто изъ офицерской молодежи прилегъ, но не спалъ никто изъ старшихъ офицеровъ.

Всю ночь дребезжали телефонные звонки отъ Хабалова.

— Пошлите роты туда-то. Отправьте команды туда-то.

— Ротъ нѣтъ,—отвѣчали на всѣ звонки офицеры.

Въ 4 часа утра въ сѣромъ кабинетѣ собранія задребезжалъ новый телефонный звонокъ. Звонилъ Энгельгардтъ.

— Временное Правительство приказываетъ Преображенскому баталіону немедленно арестовать Совѣтъ Министровъ, засѣдающій въ Адмиралтействѣ...

Приказаніе исполнить было невозможно: всѣ знали, что въ Зимнемъ дворцѣ засѣли на ночь враждебныя войска.

Но штабсъ-капитанъ Нелидовъ и однофамилецъ и родственникъ его поручикъ Нелидовъ предлагали немедленно исполнить приказаніе Правительства, предлагали сейчасъ же поднять войска на штурмъ Адмиралтейства... Въ обоихъ Нелидовыхъ течетъ Преображенская кровь. Еще прадѣды ихъ служили при Елизаветѣ и Екатеринѣ въ Лейбъ-Комланскомъ полку. А ихъ прабабка была та знаменитая Екатерина Ивановна Нелидова, которую наши историки называютъ свѣтлымъ ангеломъ Павла I.

Благоразуміе старшихъ взяло, къ счастью, верхъ. Преображенцы выслали къ Адмиралтейству развѣдку и вскорѣ выяснилось, что его охраняетъ больше 100 пулеметовъ, мортиры и пушки. Немедленно сообщили полковнику Энгельгардту, что взять Адмиралтейство у Преображенцевъ нѣтъ физическихъ силъ.

— Я этого ждалъ,—отвѣтилъ Энгельгардтъ,—у насъ уже получены свѣдѣнія, какъ его охраняютъ. Возможно, что съ утра придется изъ Петропавловской крѣпости открыть по Адмиралтейству пушеч-

ный огонь... Теперь, главное, покой. Отдохните, господа. Завтра понадобятся ваши силы.

Было 5 час. утра. По пустынной Милліонной ходили сизые клубы предразсвѣтнаго пара. И на разсвѣтъ уже были два послѣднихъ телефонныхъ звонка отъ Хабалова.

Штабсъ-капитанъ Нелидовъ опредѣленно отвѣтилъ, что приказанія его Преображенцами исполняться не будутъ.

Усталыя команды спали. Офицеры прошли къ своимъ ротамъ и, не раздвываясь, легли на солдатскія койки, рядомъ съ солдатами.

Настало утро 28 февраля.

Штабсъ-капитанъ Нелидовъ еще спалъ въ командѣ своихъ пулеметчиковъ, когда его разбудилъ испуганный фельдфебель.

— Первая рота хочетъ уходить!.. Она уже уходитъ на улицу...

Нелидовъ вскакиваетъ на нары. Зоветъ своихъ пулеметчиковъ, говоритъ, что Временное Правительство просило соблюдать порядокъ и покой, велѣло ждать его приказаній. Призываетъ солдатъ остаться, вѣрить ему.

И очевидно, такая сила была въ словахъ этого маленькаго, похожаго на Лермонтова, офицера, съ дрожащей отъ двухъ контузій правой бровью, что взволнованные пулеметчики отвѣтили ему общимъ крикомъ:

— Не пойдемъ, не пойдемъ. Безъ Васъ—никуда...

Въ учебномъ залѣ собрались въ это время почти всѣ команды Милліонныхъ казармъ. Туда вышли и пулеметчики. Капитанъ Приклонскій говорилъ рѣчь солдатамъ, просилъ ихъ успокоиться, просилъ ждать приказаній Временнаго Правительства...

Вдругъ со двора ударили выстрѣлы. Зазвенѣли разбитыя пулями стекла. Солдатскіе ряды колыхнулись какъ волны. Было видно, что никто больше не выдержитъ, что сейчасъ солдатскій потокъ прорветъ и хлынетъ на улицу.

Медлить, ждать приказаній больше не было силъ. И капитанъ Приклонскій крикнулъ солдатамъ:

— Идите, идите, но возвращайтесь только назадъ.

Въ десятомъ часу утра Преображенскій баталіонъ съ оркестромъ музыки двинулся по Милліонной къ Государственной Думѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ прилетѣлъ къ казармамъ автомобиль члена Думы Шидловскаго и когда, по просьбѣ офицеровъ, были поданы еще 2 автомобиля—въ Государственную Думу направился офицерскій авангардъ идущаго уже къ ней баталіона. Хотѣли ѣхать всѣ, но всѣмъ просто не хватало въ автомобиляхъ мѣста и тогда, какъ старшіе, какъ представители остальныхъ, въ Думу поѣхали: полковникъ, князь Аргутинскій—Долгоруковъ, полковникъ Дворжицкій, капитаны Скрыпицынъ, Приклонскій и Мещериновъ, штабсъ-капитаны: Нелидовъ и Холодовскій, поручикъ Браунъ и адъютантъ баталіона поручикъ Макшеевъ.

Красными лентами были увѣшаны автомобили. И восторженными оваціями встрѣчали толпы на улицахъ ихъ быстрый бѣгъ.

— Вдуть Преображенскіе офицеры! Они съ нами... Да здравствуетъ Преображенцы.

Въ Екатерининскомъ залѣ встрѣтился весь Преображенскій полкъ. Здѣсь уже второй день несла службу 4-я рота, подъ командой штабсъ-капитана Эллиота. Здѣсь увидѣли солдаты и офицеры своихъ товарищей, потерянныхъ въ потокѣ перваго дня революціи.

Послѣ встрѣчной рѣчи Родзянко офицеры прошли въ кабинетъ Гучкова.

Дума стихійно стала общимъ центромъ, но не создалось еще организаціи, не было еще власти, связующей въ одно все возставшіе полки.

Тогда у поручика Макшеева мелькнула мысль использовать баталіонную Преображенскую канцелярію для организаціи одной общей военной канцеляріи. Использовать для связи и бывший подъ его командой Преображенскій музыкантскій хоръ, такъ какъ полковые музыканты привыкли, въ свободное время, исполнять въ полку порученія ординарцевъ, вѣстовыхъ и полковыхъ посыльныхъ.

По телефону была вызвана въ Думу часть баталіонной канцеляріи и Преображенскій хоръ. Отъ Родзянко поручикъ Макшеевъ получилъ бумагу, которой всѣмъ предлагалось оказывать ему всякое содѣйствіе по организаціи при Думѣ Военной Канцеляріи.

Полковые писаря, со своими пишущими машинками и бумагами, сдѣлали въ тѣ дни гигантскую работу. И не безынтересно знать будущему историку, что скромные Преображенскіе музыканты не только обслуживали дѣло связи, но и смѣнили 4-ю роту Преображенцевъ на караулъ у министерскаго павильона.

Они, никогда не державшіе раньше въ рукахъ винтовокъ, нѣсколько ночей безсмысленно стражили арестованныхъ министровъ.

Музыканты съ улыбкой вспоминаютъ, какъ былъ привезенъ въ павильонъ генераль Балкъ.

Онъ узналъ Преображенскій хоръ и сталъ ходить передъ часовыми. Остановится, заложитъ руки въ карманы и насвистываетъ. Почему-то больше всего онъ насвистывалъ отрывки арій изъ «Карменъ»

0,72 / 1987

РЛ 7172

сб 10 6547/4 35959
13.437
иный Комитет Государственной Думы.

А поручикъ Макшеевъ остался при Комиссии и уже приступилъ къ работѣ со св. целаріей: въ стихіи началъ зарождаться порядокъ.

Изъ Генеральнаго Штаба пріѣхалъ въ Думу полковникъ князь Тумановъ, полковникъ Якубовичъ и другіе. Изъ всѣхъ полковъ постепенно стали стекаться офицеры. Связь установилась, началась организація.

— Только бы всѣхъ связать, только бы поскорѣе дать новые, объединяющіе центры, вмѣсто развавшихся старыхъ—это была одна общая мысль.

Огромная работа, работа великановъ началась въ Думѣ...

А Преображенскій баталіонъ уже 1 марта былъ весь налицо въ казармахъ. И уже 1 марта принялся за реорганизацію своего домашняго полкового дѣла, на началахъ довѣрія и свободы.

Во всѣхъ полковыхъ дѣлахъ Преображенецъ-солдатъ, сталъ въровень съ Преображенцемъ-офицеромъ, во всѣхъ вопросахъ баталіонной жизни солдатъ имѣеть съ нимъ одинаковый голосъ.

Для будущаго историка Преображенскій баталіонъ будетъ наиболѣе яркимъ примѣромъ того, какими двумя дорогами хлынуло солдатское возстаніе 1917 г.

Преображенцы Таврическихъ казармъ, вслѣдъ за Волынцами, возстали безъ офицеровъ. Офицеры Миліонныхъ казармъ сами повели къ народу солдатъ.

Отъ крестьянина-солдата до Преображенскаго офицера, изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, всѣ наши Преображенцы вышли, какъ одинъ на грозный зовъ Свободы, лишь только слышали ея мѣдно-бряющій шагъ.

Иванъ Лукашъ.

Иванъ ЛУКАШЪ.

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ.

Изданіе „Освобожденная Россія“

№ 4.

Цѣна 15 коп.

1917

13437
Львѣ. Бібліотека
АН УРСР

1132. Вр. Пре